

повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. Наше дело этим кончиться не может — сказал я ему. «Конечно» — отвечал Швабрин; «вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами вероятно станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались, как ни в чем не бывали.

Возвратясь к коменданту, я по обыкновению своему подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорой с Швабриным. «Я так и обмерла» — сказала она — «когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно виноват Алексей Иванович.»

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

«Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Ивановича. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.»

— А как вы думаете, Марья Ивановна, нравитесь ли вы ему, или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела. «Мне кажется» — сказала она, «я думаю, что нравлюсь.»

— Почему же вам так кажется?

«Потому что он за меня сватался.»

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

«В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.»

— И вы не пошли?

«Как изволите видеть. Алексей Иванович конечно